

ЭММАНУИЛ ВИТОРГАН: «АЛЛА И СЕЙЧАС МНЕ ПОМОГАЕТ»

У Виторгана будто открылось второе дыхание: он стал активно сниматься в кино, играет в нескольких театрах, а недавно в память об ушедшей жене поставил спектакль в филиале родного Театра Маяковского «Шаман с Бродвея», где играет вдвоем с сыном Максимом.

— Насколько Вам было сложно работать с сыном как постановщику?

— Нисколько не сложно. Когда мне привезли эту пьесу из Америки, я очень обрадовался, что Максим актер, потому что для игры на сцене близких необходимо создавать родственный воздух. Я часто замечал, что, когда играют родственников, на самом деле они чужие. А в этом спектакле мне не нужно было на это тратить время. Когда мы с Максимом на сцене, он мне не сын по быту, а сын

по пьесе. Кстати, если кто-то наивно думает, что мы играем историю нашей семьи, то ошибается. Это совсем иная история. У нас в семье добрые, замечательные взаимоотношения.

— Однако в качестве декорации на сцене Ваш семейный портрет.

— Дело в том, что постановка была начата еще при жизни Аллы. И этот спектакль — память о ней. Она зримо присутствует на сцене. Семейный портрет — очень сильный эмоциональный посыл. Алла и сейчас мне помогает.

— Несмотря на то, что Вы только что отыграли спектакль, у Вас очень бодрый вид. Вероятно, это связано не только с творчеством, но и с новой любовью?

— Ирочка появилась в тяжелый момент моей жизни. Когда Аллочка болела и когда ее не стало, многие мои приятельницы были готовы прийти мне на помощь. И не только для дружеской поддержки. Никого из них не хочу обидеть, но только в Ирочке я обнаружил такую жажду жизни, что самому захотелось жить. Ирочка, сколько я ее знаю, всегда стремилась кому-то помочь. И Аллочка была такой. Так вот, мне кажется, что в этой помощи и состоит продление нашей жизни. Вот почему я сейчас с Ирочкой и почему никогда не забуду Аллочку. Нет-нет, у меня все хорошо. Если уж так получилось — предоставлена возможность жить столько, сколько отпущено, — этим надо пользоваться. Хотя некоторые из моих близких друзей до сих пор не звонят. Может, им было бы легче, если бы я был один, подышал, не выходя из дома.

— Почему Вы выбрали именно эту пьесу? На мой взгляд, она несколько

мрачновата.

— Эта пьеса о взаимоотношениях близких. Она мне сразу понравилась, несмотря на то, что пропитана огромным количеством мата. Американцы — жуткие матерщинники. Я не люблю материться на сцене, поэтому мат пришлось сократить. Где нельзя без него обойтись, я произношу только первую букву. Что касается площадки, то, мне кажется, она идеально подходит для этой пьесы. Признаюсь, я в филиале Маяковки не появлялся 16 лет. На этой сцене я сильно заболел. В результате попал на «Каширку», где мне сделали очень сложную операцию. После этого я не мог приходить сюда. Даже проезжая мимо, начинал задыхаться. Андрей Гончаров возмущался: «Как это так? Я могу входить, а ты нет!» Он никак не мог понять, что у меня здесь произошел какой-то психический сдвиг. А сейчас мы вошли. И я рад. Потому что пьеса, которую мы поставили в этих стенах, — на все времена. Если после спектакля кто-то вспомнит, что он давно не звонил близкому человеку, то значит, мы работали не зря.

